

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

М.Д. КРАСИЛЬНИКОВА

Динамика агрегированных показателей социального самочувствия

В статье анализируется связь изменений социального самочувствия населения и электорального цикла на основе сводных показателей динамики и структуры общественных настроений. Продемонстрирована социальная обусловленность массовых протестов в период последних президентских и думских выборов. Показана связь изменений в материальном благосостоянии населения и сдвигов в социально-политических представлениях.

Ключевые слова: социальная динамика, социальные настроения, материальный достаток, выборы, массовые протесты.

The paper addresses the problem of social sentiments changes and election cycle, to analyze which the instrument of social sentiment' composite indices is employed. Social validity of mass protests during last Duma and Presidential elections is demonstrated. The relationship between welfare status and sociopolitical attitudes is established.

Keywords: social dynamic, social sentiments, welfare, elections, mass protests.

Проводимые Левада-Центром регулярные замеры общественного мнения по широкому спектру проблем, затрагивающих интересы всего общества, создают информационную базу для комплексного динамического и структурного анализа социального самочувствия населения страны. Накапливающийся богатый статистический материал позволяет переходить к более сложному исследованию социальных процессов, нежели наблюдение за изменением их отдельных индикаторов социальных оценок действий ветвей власти, представлений об изменениях в политическом, экономическом положении дел в стране, наконец – о личных перспективах и ожиданиях относительно жизни собственной семьи.

В международной практике анализа такого статистического материала принято переходить к построению сводных статистических показателей, отражающий комплекс взаимосвязанных динамических оценок. В Левада-Центре также был построен целый ряд подобных показателей, наиболее общий из которых – Индекс социальных настроений (ИСН). Основная идея, положенная в основу этого инструмента, состоит в том, что представления людей о различных сторонах жизни внутренне взаимосвязаны и образуют единый вектор социального самочувствия. На этой основе, применяя методы факторного анализа, формируется внутренне взаимосвязанная группа индикаторов социального самочувствия, состоящая, в случае ИСН, из 12 показателей (что формально статистически выражается в наличии единственного фактора). В то же время многогранный характер такого показателя, как ИСН, состоящего из 12 самостоятельных переменных, позволяет выдвинуть гипотезу о дополнительной значимости (информативности) внутренней структуры формирования общего (сводного, единого) индикатора социального самочувствия. То есть речь идет о том, что изменения в от-

Красильникова Марина Дмитриевна – кандидат экономических наук, заведующая отделом изучения уровня жизни Аналитического центра Юрия Левады (Левада-Центр).

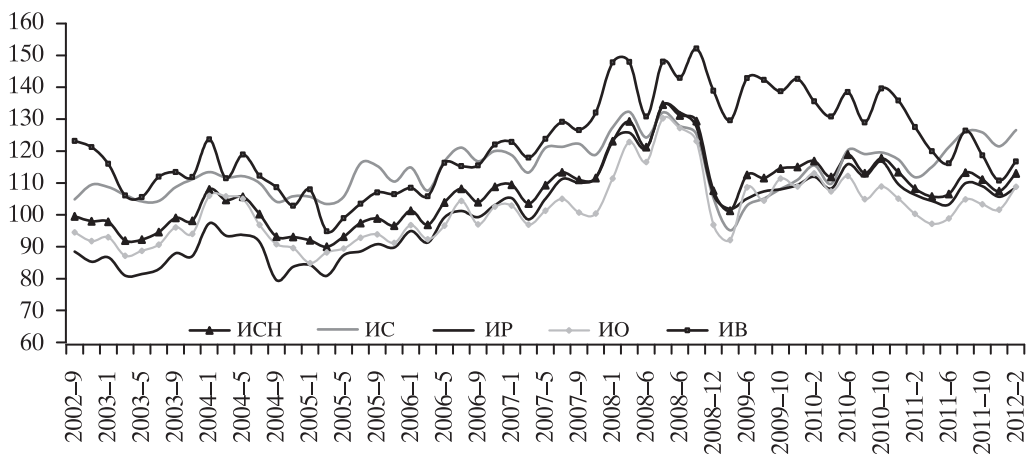


Рис. 1. Динамика Индекса социальных настроений и его компонент.

носителем вкладе отдельных переменных или их групп в сводном показателе могут быть дополнительным индикатором, отражающим состояние и динамику социальных настроений.

Методология и методика построения ИСН были подробно описаны ранее. Также были показаны возможности структурного анализа динамики социального самочувствия общества с помощью этого показателя и продемонстрированы прогнозные возможности ИСН [Красильникова, 2003; 2011]. Изменение ИСН в 2011 г., который был наполнен новыми социально-политическими явлениями в жизни страны, вновь продемонстрировали аналитические возможности этого показателя.

Предвыборный 2011 г. оказался очень необычным в ряду сформировавшейся в постсоветский период циклической структуры социально-политической жизни страны (см. рис. 1). Речь в данном случае идет о сложившейся за годы президентских и парламентских выборов традиции мобилизационного воодушевления населения перед выборами, особенно президентскими. Все предыдущие выборные циклы этот феномен выражался в росте социального оптимизма, который в первую очередь был связан с опережающим улучшением оценок действующей власти. В терминах ИСН это выражалось не только в более высоких уровнях сводного показателя, но и в особенно заметных пиках значений частного индекса, отражающего оценки властей (ИВ). Каждый раз в период выборов обновлялся исторический максимум наблюдаемых значений ИСН в целом, и ИВ в частности.

В 2011 г. ничего подобного не наблюдалось. Более того, еще с конца 2010 г., то есть практически за год до выборов, обозначился сильный отрицательный тренд частного ИВ. Вместо обычной мобилизации населения вокруг руководства страны в надежде на новые обещания и блага в обмен на электоральную поддержку (если судить по прошлым предвыборным периодам) последний предвыборный период еще до своего формального старта проходил на фоне растущего недовольства властью (при довольно высоких абсолютных значениях, по международным меркам даже очень высоких). Формальный старт президентской гонки в сентябре 2011 г. не переломил, а напротив, лишь усугубил ситуацию. В итоге уровень социального оптимизма, выраженный в ИСН, в период выборов был не выше, а ниже значений предыдущих периодов (то есть в 2010 и первой половине 2011 г.).

Изменения в структуре формирования сводного показателя социального оптимизма, которые позволяют проследить инструментарий ИСН, наглядно показывают общую природу изменений общественного сознания, происшедших в 2011 г. Речь идет о сопоставлении значимости отдельных составляющих сводного ИСН – оценок

власти (ИВ), оценок положения дел в стране в целом (ИР), оценок личного положения (ИС) и ожиданий на будущее (ИО). Эти группы факторов образуют основной пучок (базовый спектр) векторов оценок окружающей реальности, значимой для индивида при формировании его представлений о социальной реальности и своем месте в ней. Взаимное соотношение этих отдельных компонент указывает на относительную значимость различных смысловых комплексов, сторон жизни для идентификации степени комфортности текущей ситуации для жизнедеятельности, в обобщенном виде характеризует смысловой порядок, роль различных сторон жизни при формировании благоприятного самочувствия, показывает, что является источником, опорой для поддержания социального оптимизма. Чем выше относительные оценки соответствующего частного индекса (линии графика расположены выше, чем в среднем), тем значимее (для населения) эта сторона жизни для формирования благоприятного социального самочувствия. Или, говоря иначе, эта сторона жизни выступает, по мнению населения, как наиболее вероятный ресурс социального благополучия.

В последние 10 лет чаще всего такой порядок вещей описывался следующим образом. Наивысшие оценки (то есть основной источник положительных оценок) приписывались сфере государственной власти (ИВ), и это – прямое отражение патерналистского сознания, о котором писали многие исследователи. Сказанное означает, что надежды на результаты деятельности президента и правительства (при всей критике верховной власти и сложной природе доверия к ней) чаще всего являлись основным фактором положительных изменений. Это одновременно говорит о том, что фокус позитивных надежд выведен за пределы собственных усилий и ответственности. Такая ситуация за последние 10 лет наблюдалась чаще всего, за исключением двух периодов – 2005–начала 2006 г., и опять повторилась в истекшем 2011 г.

Как правило, второй по значимости комплекс значений связан с оценками текущих изменений в личном положении (материальном, семейном, эмоциональном) – индекс ИС. Такое положение отражает характерную для российского общества крайнюю полярность возможных точек контроля. Либо полностью находящаяся вне личного контроля (и ответственности) верховная власть, либо – надежды только на себя и ближайший родственник/дружеский круг. Социальная середина в форме социальных сообществ (например, жителей района, города, страны, профессиональных сообществ, любых протоформ гражданского общества) отсутствует как референтная группа, в частности поэтому на протяжении 20 лет существования новой России неизменно “положение дел” в собственной семье оценивается лучше, чем в своем городе/районе, и лучше, чем в стране в целом [Общественное... 2011, с. 43–44].

Как следует из предыдущего, обычно оценки ситуации в стране в целом оказываются наименее важными с точки зрения формирования общего уровня социального оптимизма. Линия динамики соответствующего индекса ИР чаще всего оказывается в самом низу поля графика.

В структуре формирования социального самочувствия особая роль отводится частному индексу ожиданий (ИО), в котором сводятся воедино все перспективные представления респондента о предполагаемом развитии событий как в личной, так и в общественной (политической, экономической) жизни страны. В наиболее благоприятные периоды развития страны (в экономическом и социально-политическом смысле) относительная позиция ИО повышается, он становится устойчиво выше оценок ситуации в стране (ИР). Не просто положительная динамика индекса ожиданий, но его опережающий рост, который приводит к повышению относительной значимости этого частного индекса, является наиболее точным (в рамках инструментария ИСН) выражением растущего социального оптимизма, наиболее надежно указывает на то, что позитивный настрой “реализуется” в улучшении социально-экономических условий.

Очень наглядно эта зависимость (оставляющая важную прогностическую ценность ИСН) проявилась после кризиса 1998 г. Ожидания растущего благополучия как базовый фактор формирования ежедневного практического поведения массы людей сам по себе создает позитивный посыл на будущее. В этом и есть социальный эффект

суммы индивидуальных субъективных оценок – позитивные или негативные ожидания, становясь массовыми, обретают реальность, осуществляются (“если хочешь быть счастливым – будь им”). Такая ситуация наблюдалась до середины 2006 г. Затем началось торможение роста ИО, которое быстро привело к его устойчивому относительному снижению. В рамках инструментария ИСН такие структурные изменения – наиболее ранние индикаторы развития неблагоприятных изменений в социальном самочувствии в будущем. На содержательном уровне подобная динамика показателей отражает ситуацию, когда текущее благополучие все чаще рассматривается населением как неустойчивое. Точнее – люди либо не в состоянии определить причинно-следственные связи текущего благополучия с тем, чтобы в сегодняшнем дне увидеть источники будущего роста, либо уже понимают, что эти источники отсутствуют.

Важно отметить, что эти первые признаки нарастающего неблагоприятия обозначились в период “золотого века стабильности” в 2006–2007 гг. Экономическое положение массовых слоев российского населения улучшалось впечатляющими темпами: в период с 2000 по 2007 г. темпы роста реальных денежных доходов населения составляли 110–114% за год (<http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/population/level/#>), политическая ситуация была как никогда стабильной, а потенциально опасный для авторитарного общества период передачи власти был проведен безболезненно для дремлющего общества. ИСН в этот период продолжал расти, хотя и менее интенсивно, чем ранее, и единственным предвестником ухудшения общественных настроений в будущем было относительное снижение значимости позитивных ожиданий на будущее (индекс ИО) в формировании комплекса социальных настроений (сводного ИСН).

Развитие этих негативных тенденций стало следствием произошедшей в 2005 г. серии локальных социальных кризисов в связи с “монетизацией льгот”. Речь идет о попытке властей существенно ограничить сферу применения натуральных форм социальной поддержки уязвимых слоев населения (бесплатный транспорт, лекарственное и санаторно-курортное обеспечение для весьма широких слоев населения, самые массовые из которых – пенсионеры и инвалиды), заменив ее прямыми денежными выплатами. Эта реформа была предпринята в рамках упорядочивания системы межбюджетных отношений, которое, в свою очередь, стояло в ряду широкого комплекса экономических реформ, включая непосредственно затрагивающие интересы населения жилищную, пенсионную реформы, реформирование систем здравоохранения и образования. Этот комплекс весьма либеральных по своей сути реформ был сформулирован в самом начале президентства В. Путина и направлен на достижение тех самых структурных экономических изменений, которые должны “освободить страну от нефтяной зависимости”.

Не обсуждая здесь возможные результаты последовательной реализации мер, предусмотренной этой программой реформирования, следует только констатировать, что в результате активного и неожиданного для властей открытого выступления людей, лидером которого стали пенсионеры, перекрывавшие транспортные пути, программа монетизации льгот была существенно изменена: натуральные льготы во многом сохранены, а денежные выплаты – увеличены. Прочие структурные реформы были фактически отложены на неопределенное время. Вместо этого возникла серия “национальных проектов” – системы кратко- и среднесрочных мероприятий по частичному решению наиболее острых проблем преимущественно в социальной сфере. Эти национальные проекты не претендовали на системное реформирование соответствующих секторов экономики страны, а лишь позволяли более-менее целенаправленно вливать в них финансовые ресурсы (которые в бюджете страны в этот период быстро накапливались благодаря высоким ценам на нефть).

Фактически в 2004–2005 гг. руководство страны не смогло сформулировать программу социально-экономической перестройки экономики, которая была бы воспринята населением, а первые попытки ее реализации вызвали открытое недовольство людей, приведшее к сворачиванию любых действий по реформированию экономики.

В рамках динамики и структуры изменения ИСН это выражалось сначала в ускоренном падении и относительном снижении оценок властей, то есть не просто в нарастании недовольства, но одновременно в росте уверенности в себе, минимальный уровень которого необходим для того, чтобы преодолеть страх и выйти на улицы.

Массовая раздача финансовых ресурсов широким слоям населения в рамках разрешения конфликта вокруг монетизации льгот, затем в результате реализации национальных проектов – прочим слоям населения (по результатам быстрого экономического роста) уже к середине 2006 г. опять привела к социальному успокоению, которое, с одной стороны, выразилось в относительном росте значимости власти в формировании социального оптимизма, но с другой – имело свою “ложку дегтя” в виде нарастающего относительного снижения позитивных надежд на будущее.

Экономический кризис, разразившийся в 2008 г., первоначально лишь усилил ориентацию на властные структуры в формировании социального самочувствия общества. И природа этого процесса была та же, что и в 2005 г. Были произведены финансовые вливания в экономику (для населения наиболее чувствительным стало повышение пенсий: реальный размер назначенных пенсий в процентах к предыдущему году в 2008 г. увеличился на 109%, в 2009 г. – на 125%, в 2010 г. – на 112%¹), а также предприняты массивные административные меры по предотвращению безработицы – как мера защиты работающего населения. В этот период сформировался особенно впечатляющий отрыв вверх от всех прочих составляющих показателя социального оптимизма (ИО), необыкновенно благоприятных оценок действий властей. “Последствие” непомерно возросшей роли государства в социальном воображении населения оказывается таким же, как в 2005 г. Очевидно, население все же понимает, что предпринятые правительством антикризисные меры, в сущности, не разрешили ни одну из глубинных социально-экономических проблем, которые вызвали этот кризис. Не случайно замеры общественного мнения по поводу того, в какой фазе кризиса находится страна – он пройден или еще продолжается, показывают, что ощущение кризиса не покидало людей и тогда, когда официальные власти уже спешили заявить о том, что “острая фаза кризиса пройдена” [Общественное... 2011, с. 45–46].

Начиная с конца 2009 г. обозначилась негативная тенденция в динамике частного индекса оценки властей (ИВ), которая отмечалась сначала на фоне еще продолжавшегося роста, а затем стабилизации сводного показателя социальных настроений (ИСН). В итоге к началу 2011 г. уровень частного индекса, отражающего комплекс надежд на власть (ИО), оказался ниже, чем показатели динамики оценок личного положения респондентов. Страна вплотную подошла к той же структуре формирования социального самочувствия, что и перед январем 2005 г., когда началось открытое противостояние недовольных пенсионеров (по преимуществу, но далеко не только, поскольку тогда к возмущению по поводу лишения права бесплатного проезда быстро присоединилось недовольство и прочими сторонами обыденной жизни уже всех слоев населения – вспомнили и тарифы ЖКХ, и рост цен на основные продукты питания, и т.п.; собственно, власть и опасалась, что лозунги расширяющихся масс недовольного населения быстро перерастут на уровень обобщенных экономических требований).

Кроме того, в 2011 г., в отличие от ситуации середины прошлого десятилетия, общество еще не полностью оправилось от кризиса, о чем бы речь ни шла в официальной риторике. В период после кризиса 1998 г. (с которым часто сравнивают кризис, начавшийся в 2008 г., по крайней мере, по глубине экономического спада) быстрая положительная динамика социальных настроений (ИСН) обозначилась уже в начале 1999 г., а ее локомотивом стал именно опережающий рост частной компоненты, связанной с ожиданиями на будущее (ИО). Сейчас же изменения сводного показателя социальных настроений правильно было бы охарактеризовать как стагнацию, а ожидания на будущее (ИО) оказываются в самом низу спектра основных факторов формирования социального самочувствия.

¹ См. http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-15.htm.

Поэтому можно сказать, что в 2011 г. были созданы наиболее благоприятные за все время наблюдений условия для открытого проявления социального недовольства. В отличие от 2005 г. триггером стали не экономические, а почти политические причины. Но, вообще говоря, они могли бы быть любыми, поскольку общество созрело. Не важно, что в обоих случаях массовые выступления были не столь многочисленны, пользовались открытой поддержкой относительно меньшей части населения. Важно, что у большинства населения, пока не готового лично к ним примкнуть, эти массовые выступления тем не менее не вызвали отторжения. Общество оказалось к ним внутренне готово. Свидетельство тому – снижение роли власти, что эквивалентно снижению зависимости от нее, по крайней мере по самоощущениям.

Означает ли это, что всегда, когда оценки властей теряют свое значение в формировании социального самочувствия, следует ожидать социальных катаклизмов? Конечно же, нет. В нынешних конкретных российских условиях высокий уровень оценок власти идет вразрез с низкой оценкой практических действий/бездействий властей, то есть смысловой комплекс восприятия власти основан скорее на перенесении в эту конечную инстанцию всех надежд, чаяний, ответственности (см. [Левада, 2006, с. 149–162, 224–230]). Поэтому периоды, когда значимость этого комплекса снижается, одновременно означают, что ослабевают “тефлоновые” свойства власти и она становится более уязвимой уже для рациональной критики, облегчаются барьеры на пути открытого противостояния, распространения акций гражданского неповиновения.

То, что в декабре 2011 г. акции гражданского неповиновения начались под лозунгом “за честные выборы”, – не единственное возможное основание для открытого массового противостояния власти. (Это не умаляет уникальной важности проснувшегося в обществе недовольства проявлениями авторитаризма, поскольку проявленное гражданское равнодушие, нашедшее отражение в этих акциях, есть важнейшее событие, которое уже не потеряет своего конструктивного значения, поскольку закреплено в общественной памяти.) Но причин/поводов для серьезного недовольства населения в социально-политической и социально-экономической жизни современной России предостаточно. Нерешенность накопившихся проблем во всех основных сферах повседневной жизнедеятельности массовых слоев населения (жилье, здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение, охрана правопорядка и т.д.) может спровоцировать различные массовые акции протеста в любой момент. Более того, локальные акции гражданского противостояния, в основном в виде забастовок на отдельных предприятиях, не прекращались все последние годы [Бизюков, 2011]. Но при высокой и безусловной ценности государственной власти (безальтернативной, огражденной от серьезной критики самоцензурой на уровне отдельного гражданина) не было условий для массовой общественной если не поддержки, то, как минимум, не отторжения.

Одним из факторов повышения значимости надежд на собственные усилия (индекс ИС) в формировании социальных настроений является рост благосостояния. На протяжении практически всего периода измерения ИСН в группе наиболее обеспеченных российских граждан индекс ИС был наиболее значим – оценки собственной ситуации были лучше, чем представления о деятельности властей страны (см. рис. 2).

В наиболее массовой группе российских семей по уровню материального достатка (“денег хватает на питание и одежду, но покупка товаров для дома вызывает финансовые затруднения” – доля таких респондентов в последние годы составляет примерно 45%) также на протяжении долгого времени оценки собственной ситуации были выше, чем оценки властей. Противоположная ситуация, то есть преимущественно ориентация на власть (индекс ИВ – самый значимый), характерна для относительно бедных групп населения. Но дело в том, что обеспеченные слои населения в России оценивают власть лучше, чем люди победнее (см. рис. 3).

Расхожее представление о том, что поддержка действующей власти сосредоточена среди пенсионеров, людей менее обеспеченных, жителей провинции и т.п. категорий населения с относительно меньшим объемом социальных ресурсов, несколько упрощает картину. Очевидно, более важную роль играет то обстоятельство, что в этих сло-

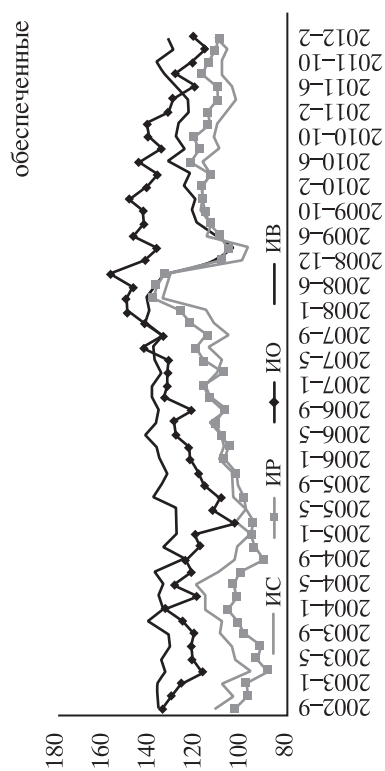
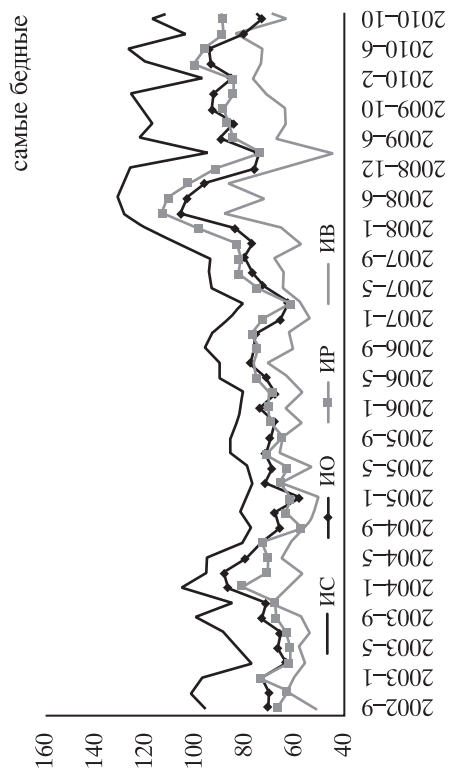
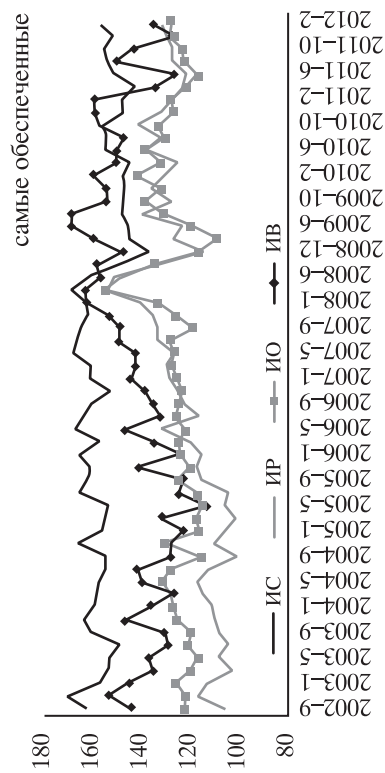
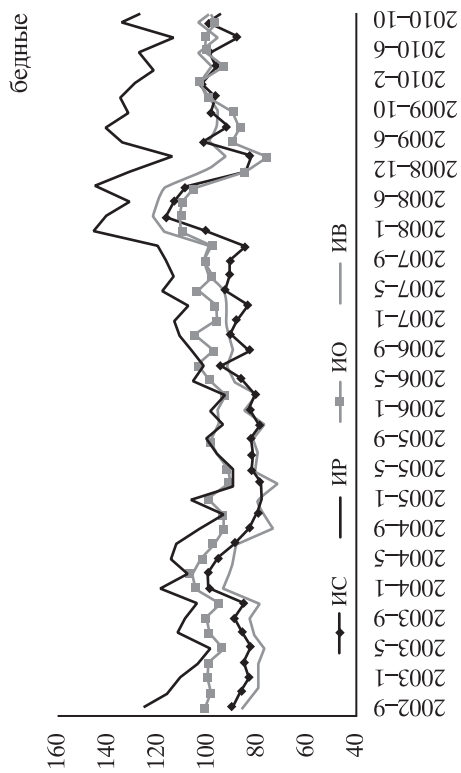


Рис. 2. Динамика частных индексов ИСН в группах населения с разным уровнем материального достатка.

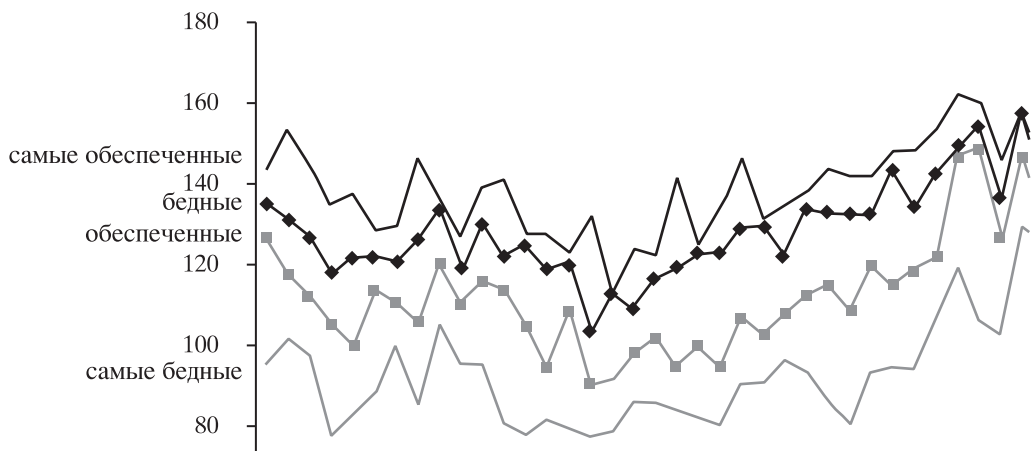


Рис. 3. Динамика частного индекса оценок власти (ИВ) в группах населения с разным уровнем материального достатка.

ях населения меньше ресурсов для самостоятельных действий, выше уровень зависимости от государства, то есть больше реальных основ для развития патернализма. Но недовольство властью там особенно сильно. Поэтому, когда в бедных группах оценки власти сравниваются или даже оказываются ниже, чем другие факторы формирования социального самочувствия, как это было и в 2005 г., и особенно заметно – в 2011 г., потенциал недовольства набирает критическую массу.

Снижение относительной значимости надежд на верховную власть, наблюдавшееся на протяжении всего 2011 г., одновременно означает рост уверенности в собственных силах. И это делает общество более рационально настроенным, способным критически оценивать действия властей и более склонным требовать от них выполнения обязательств, то есть более подготовленным к равноправному диалогу с властью вместо обращений к ней с просьбами.

Сейчас общество готово к предъявлению претензий к властям более, чем когда-либо в последние годы. В инструментарии ИСН это выражается в снижении относительной важности оценок власти (ИВ) на фоне отсутствия признаков роста социального самочувствия в целом, а также исчезновения традиции предвыборной мобилизации общественного сознания. Незначительный рост ИСН в феврале объясняется сезонными причинами. Динамика социального самочувствия в ближайшие месяцы может быть очень различной и будет зависеть от того, насколько власти удастся избежать каких-либо действий (как в политической, так и в экономической сфере), способных вызвать массовое неприятие. Запас прочности (или степень свободы маневра) у власти сейчас мал, как никогда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бизюков П. Динамика трудовых протестов в России (2008–2011) // Вестник общественного мнения. 2011. № 2.
- Красильникова М. Изучение социальных настроений и потребительского поведения населения России // Проблемы прогнозирования. 2003. № 2.
- Красильникова М. Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2011. № 1.
- Левада Ю. Ищем человека. Социологические очерки, 2000–2005. М., 2006.
- Общественное мнение – 2011. Ежегодник. М., 2011.